

После того как свадьбу Лин Чжи наконец согласовали, на душе у Лин Сяо стало значительно легче. Последние два года её судьба заботила его больше всего на свете, и теперь, когда для сестры нашли достойного жениха, молодой маркиз наконец обрёл покой.

Впрочем, радости в жизни редко приходят в одиночку — за ними непременно тянутся заботы. Вот и в Академии Наставления в Вере сейчас было беспокойно: второй императорский внук, Чу Ифэн, сидел, преодолевая дрожь в руках, и выводил каллиграфические свитки.

Если Лин Сяо, помогавший в учёбе Чу Ияню, находил свои обязанности необременительными, то Чу Ифэну приходилось несладко. Он заметно отставал от обоих младших братьев, и вчера, когда Наследный принц решил проверить его успехи, не сумел связать и двух слов. Отец тут же применил к нему суровую семейную кару. Наследной принцессы рядом не оказалось, заступиться за беднягу было некому. А после экзекуции, когда вся спина мальчика покрылась сочащимися кровью рубцами, его заставили писать каллиграфию. Разумеется, совладать с кистью в таком состоянии он не мог, и разгневанный Наследный принц велел ему переписать сто листов крупных иероглифов, потребовав сдать работу сегодня к часу Свиньи.

Лин Сяо вернулся во дворец только сегодня. Узнав о вчерашнем происшествии, он тайно призвал к себе личного евнуха Чу Ифэна. Поскольку Лин Сяо уже однажды заступился за их хозяина, слуги молодого принца давно считали его своим человеком и выложили всё без утайки.

Лин Сяо сокрушённо вздохнул и тихо распорядился:

— Ступай, позови лекаря и вели ему хорошенько обработать раны твоего господина.

Стоило евнуху услышать это, как его глаза мгновенно наполнились слезами. Он прошептал:

— Нашего господина изволил наказать сам Наследный принц. Кто же осмелится пойти за лекарем?

У Лин Сяо тревожно ёкнуло сердце.

— И что же, прошлой ночью раны даже не смазали мазью?

— Никак нет, — опустив голову, пролепетал слуга. — В наших комнатах нашлось только согревающее масло от ушибов, а у господина вся кожа на спине содрана. Мы побоялись наносить такое средство на открытые раны.

Лин Сяо немного помедлил, а затем негромко вздохнул:

— Ладно. Я пойду с тобой.

Весна постепенно вступала в свои права, принося тепло. Благодаря заступничеству Наследной принцессы послеполуденные занятия в этом месяце отменили, подарив принцам время для полуденного отдыха. К этому часу в Академии Наставления в Вере разошлись даже младшие евнухи, так что Лин Сяо застал Чу Ифэна в полном одиночестве.

Золотистые лучи солнца заливали комнату сквозь открытые окна. Чу Ифэн стоял у письменного стола, изо всех сил стараясь придать своим неуклюжим штрихам хоть какое-то изящество. Лин Сяо на мгновение замер у порога, молча наблюдая за ним, а затем бесшумно подошёл ближе и негромко спросил:

— Ваше Высочество, много ли уже готово?

— А? — Чу Ифэн вскинул голову. По его виску катился крупный пот. Неловко улыбнувшись, он произнёс: — Лин Сяо, ты пришёл... Уже слышал о вчерашнем, да? Я пока написал чуть больше двадцати листов. Только что заглядывал старший брат, принёс мазь. Заодно вызвался проверить мою работу — выбрал больше двадцати самых неудачных листов да изорвал в клочья. Сказал, негоже показывать отцу такую мазню, не то новой порки не миновать.

Чу Ифэн простодушно улыбнулся и взял со стола маленький флакон из белого нефрита:

— Вот, старший брат раздобыл для меня превосходное средство, я даже применить его ещё не успел. Всё-таки брат всегда помнит обо мне.

— Ну конечно, — вслух отозвался Лин Сяо, а внутри него всё так и закипело от холодной ярости.

«Ещё бы ему не помнить! Похоже, у старшего брата душа ушла в пятки от страха, что ты успеешь исписать все сто листов, раз он поспешил под благовидным предлогом уничтожить то, что уже готово. И надо же быть таким чурбаном, чтобы принимать этот яд за искреннюю заботу!»

Не выказывая своего возмущения, Лин Сяо с самым невозмутимым видом забрал у него нефритовый флакон и, точно невзначай, швырнул его в стоявшую у стола корзину с бумажным мусором. Игнорируя недоумение на лице Чу Ифэна, он мягко взял его за руку и повёл во внутренние покои Академии, тихо проговорив:

— У моей семьи есть секретный рецепт целебного бальзама. Он творит чудеса. Позвольте мне помочь вам, Ваше Высочество.

Опустившись на одно колено, Лин Сяо принялся бережно развязывать завязки поясных подвесок Чу Ифэна. Лишь теперь принц сообразил, что происходит. Густая краска мгновенно

залила его щеки, и он смущённо отстранился:

— Постой... не нужно. Я кликну кого-нибудь из евнухов. Не пристало тебе марать руки.

— Вашему Высочеству ни к чему церемониться со мной. Да и те бездельники давно разбежались кто куда, где вы их теперь сыщете? — С этими словами Лин Сяо ловко снял расшитый золотом пояс Чу Ифэна и отложил его на бамбуковый столик. — В конце концов, долг преданного слуги — заботиться о своём господине. Разве в этом есть что-то зазорное?

Чу Ифэн растерянно прижал ладони к распахнувшейся одежде. Его лицо горело. Услышав слова Лин Сяо, он взволнованно заговорил:

— Я никогда не смотрел на тебя свысока! Ты... ты ведь книжный товарищ четвёртого брата. Но даже будь ты моим компаньоном, я бы ни за что не обошёлся с тобой как со слугой.

Лин Сяо был почти на полголовы выше Чу Ифэна, и ему редко доводилось вот так, опустившись на колени, смотреть на него снизу вверх. Глядя, с каким отчаянным простодушием принц пытается доказать свою искренность, Лин Сяо почувствовал, как к сердцу подступила нежная теплота.

— Ваше Высочество принимает мои слова слишком близко к сердцу, — улыбнулся он. — Ложитесь же...

Чу Ифэн превосходно владел боевыми искусствами, но перед Лин Сяо его сила словно таяла, уступая место безграничной покорности. Подчиняясь мягкому давлению чужих рук, он послушно улёгся ничком на мягкую кушетку. Лин Сяо бережно стянул с его плеч парчовые одежды, обнажая спину.

На бледной коже уродливыми змеями вздулись багровые полосы шириной в палец. В нескольких местах плоть была рассечена до крови, и из ран выступали тёмные капли.

Лин Сяо сокрушённо вздохнул.

«И как только этот упрямец терпит такую муку, даже не пикнув?»

Лин Сяо достал из-за пазухи небольшую баночку из зеленой яшмы, наполненную светло-коричневой мазью. Показав её Чу Ифэну, он тихо пояснил:

— Я сам пользовался этим снадобьем, когда получал раны. Оно мгновенно снимает жар и утоляет боль.

— Хорошо, — отозвался Чу Ифэн. Лежать полуобнажённым перед Лин Сяо было для него

непривычно и крайне неловко. — Раз это твоё средство, оно наверняка лучшее. Мажь.

Тщательно омыв руки, Лин Сяо зачерпнул пальцами немного мази и принялся аккуратно распределять её по истерзанной коже.

Наследный принц прекрасно знал, что его сын упрям как осёл, но всё равно избил его с такой неоправданной жестокостью. Лин Сяо мысленно покачал головой и стал касаться ран ещё нежнее.

— В следующий раз, когда Наследной принцессы не окажется рядом, будьте осмотрительнее, — негромко наставлял он юношу. — Учитесь улавливать настроение отца.

Чу Ифэн глухо усмехнулся в подушку:

— Да я и сам не понял, какое моё слово так разозлило отца. Ай, ладно, побили и побили, мне не привыкать.

Заметив, как под его пальцами дрогнули мышцы на лопатках принца, Лин Сяо замер:

— Больно?

— Нет, совсем нет, — Чу Ифэн покачал головой. — Напротив, там, где ты уже намазал, чувствуется приятная прохлада. Жар утихает, мне гораздо легче.

— В состав входят мята и камфора, они быстро умирят боль, — успокоил его Лин Сяо.

Облегчённо вздохнув, он постарался закончить работу как можно скорее. Целая баночка редкого снадобья ушла на то, чтобы бережно покрыть израненную плоть. Отложив пустой яшмовый флакон, Лин Сяо накинул на плечи принца чистое шёлковое покрывало.

— Полежите так какое-то время, Ваше Высочество. Рубцы нельзя бинтовать, да и одежду надевать рано — вся мазь сотрется. Просто отдохните.

— Ох, нельзя! — Чу Ифэн уже готов был послушно прикрыть глаза, но внезапно спохватился и попытался приподняться на локтях. — Мне ведь ещё нужно закончить каллиграфию!

Лин Сяо осторожно удержал его за плечи, возвращая на подушки, и ласково улыбнулся:

— Предоставьте всё мне, Ваше Высочество. Неужели вы думаете, что я стану вам вредить?

Принц заколебался, но спорить не решился. К тому же в его голове промелькнула робкая

мысль.

«Если ради такой небывалой заботы со стороны Лин Сяо мне придётся вытерпеть ещё одну отцовскую трёпку, оно того стоит»

Лин Сяо налил чашу тёплого чая и помог Чу Ифэну сделать несколько глотков, после чего почтительно поклонился:

— Если Ваше Высочество чувствует усталость, вздремните. Я разбужу вас, когда придёт время.

Стоял тихий весенний полдень, навевающий дремоту. Вернувшись вчера из дворца Наследного принца, Чу Ифэн всю ночь напролёт без сна выводил иероглифы. Даже его крепкое тело не могло вынести подобного напряжения без отдыха. Теперь же, когда мазь уняла жгучую боль в спине, а сам он лежал на мягкой кушетке, усталость взяла своё, и он мгновенно заснул.

Убедившись, что принц крепко спит, Лин Сяо бесшумно задёрнул ширму, отделяющую внутренние покои, и вернулся в кабинет. Сев за письменный стол Чу Ифэна, он взял один из исписанных листов и принялся внимательно изучать его неровный почерк. Спустя некоторое время он отложил образец, аккуратно разложил чистую бумагу, растёр тушь и взялся за кисть...

Когда Чу Ифэн проснулся, наступил уже час Петуха. Увидев в окно догорающий закат, он в панике вскочил, наскоро запахнул одежды и выбежал в кабинет, где застал Лин Сяо, увлечённо пишущего каллиграфию.

Лин Сяо тепло улыбнулся ему:

— Вы спали так сладко, что у меня рука не поднялась потревожить ваш покой. Взгляните, Ваше Высочество, достаточно ли точно я сумел подражать вашему почерку?

Чу Ифэн ещё не до конца пришёл в себя после сна. Он растерянно подошёл к столу и уставился на аккуратную стопку исписанной бумаги. Каждый штрих, каждый излом иероглифов были точной копией его собственного неуклюжего почерка! Только теперь до него дошло, что Лин Сяо намеренно уложил его спать, чтобы взять наказание на себя.

Лин Сяо аккуратно сложил высохшие листы в ровную стопку и заговорщически прошептал:

— Главное — храните это в тайне. Если кто-то прознает о нашей хитрости, новой порки точно не избежать.

Вчера, когда его нещадно секли розгами, Чу Ифэн не проронил ни слезинки, стойко принимая удары судьбы. Но сейчас обычные, полные тёплого участия слова Лин Сяо заставили его сердце болезненно сжаться. В глазах защипало, и он, опустив голову, прошептал:

— Лин Сяо... ты единственный, кто ко мне так добр.

— Вокруг Вашего Высочества немало преданных людей, — мягко ответил Лин Сяо, склонив голову. — Мы ведь состоим в родстве, к тому же я безгранично обязан Наследной принцессе за её милость. Заботиться о вас — моя святая обязанность.

Впрочем, в этот миг Лин Сяо и сам отчётливо понял, что старые правила больше не работают. Прежде он отличался эгоизмом и расчётливостью, так с какой стати он раз за разом бросался на выручку этому незадачливому принцу, у которого не было ни единого шанса уцелеть в безжалостной борьбе за трон? Такое безрассудство шло вразрез со всей его натурой.

«Что со мной творится? Я ведь привык просчитывать каждый шаг, так почему же я добровольно лезу в петлю ради мальчишки, у которого нет никакого будущего во дворце?»

Лин Сяо оставалось лишь обманывать самого себя, цепляясь за оправдания о родстве и благодарности к Наследной принцессе.

Чу Ифэн больше ничего не сказал. Но в глубине его души запечаталось знание: Лин Сяо заботится о нём искренне, от самого сердца.

Они вместе вернулись во Дворик Китайской Яблони, чтобы поужинать. Благодаря целебной мази опухоль на спине Чу Ифэна почти спала, боль утихла, и у него разыгрался небывалый аппетит. После ужина Лин Сяо первым делом отправил своего евнуха к Наследной принцессе с вестями. Дождавшись возвращения слуги, он мягко подтолкнул Чу Ифэна к выходу, напутствуя перед визитом к Наследному принцу:

— Ступайте со спокойной душой, Ваше Высочество. Наследная принцесса уже спешит к супругу, чтобы замолвить за вас словечко. На этот раз гнева вы точно избежите.

Чу Ифэн лишь молча закивал. После всего пережитого сегодня в его душе теснилось столько слов, которые он хотел сказать Лин Сяо, но сейчас они упорно застревали в горле. Не найдя подходящих выражений, принц просто кивнул ещё раз и поспешил уйти.

После того как Лин Сяо пришлось исписать несколько десятков листов чужим почерком, его собственная рука нещадно ныла. Закончив со всеми делами, он наконец вернулся в Терем Внимания Ветру.

Там ему пришлось потратить остатки сил, чтобы утихомирить на редкость неугомонного Чу Ияня. Оказавшись в своей комнате, Лин Сяо велел приготовить горячую ванну. Погрузившись в обжигающую воду, он со стоном облегчения откинулся на край деревянной лохани, прикрыв глаза.

Ему хотелось поскорее закончить с омовением и лечь спать, но у судьбы на этот вечер были

иные планы.

Накинув на плечи просторный халат, Лин Сяо не стал собирать влажные волосы в пучок, оставив их свободно лежать на плечах. Лицо его оставалось бесстрастным, когда он сухо произнёс:

— Приветствую старшего императорского внука. Прошу простить мне мой неподобающий вид.

— К чему эти условности? — мягко улыбнулся Чу Ицзинь. — Надеюсь, мой столь поздний визит не слишком потревожил кузена?

— Ваше Высочество оказывает мне слишком много чести, — холодно отозвался Лин Сяо.

Видя, с каким ледяным равнодушием его встречают, Чу Ицзинь даже бровью не повёл. Он небрежно махнул рукой, приказывая слугам покинуть комнату, и с улыбкой произнёс:

— Я прослышал, что сегодня мой кузен не покладая рук трудился в Академии. Моё сердце наполнилось тревогой, вот я и решил заглянуть к тебе.

«Хм, значит, он прекрасно знает, кто написал те листы, и явился выведать обстановку? Решил поиграть со мной?»

Лин Сяо сохранил полное спокойствие и бесстрастно ответил:

— Служить императорским внукам — великая честь, о какой усталости может идти речь?

Лин Сяо умел менять личины с поразительной лёгкостью. Рядом с Лин Чжи и Чу Иянем он превращался в заботливого и внимательного старшего брата; пред очи Наследной принцессы или госпожи Ши являлся почтительным, любящим сыном; для Императора и Наследного принца оставался исключительно верным и исполнительным подданным, а для таких ничтожеств, как Ся Лань или Лин И, становился безжалостным и коварным врагом.

Иметь сотню лиц для разных людей — в этом и заключалось его искусство выживания.

Но перед Чу Ицзином он не собирался даже притворяться. Тот наверняка во всех подробностях знал о вчерашней экзекуции, и его нынешний притворный визит вежливости вызывал у Лин Сяо лишь глубокое отвращение.

У самого Лин Сяо тоже были родственники, которых он терпеть не мог, но он всегда придерживался простого правила: не трогай меня, и я тебя не трону. Он искренне не понимал, ради чего Чу Ицзинь тратит столько сил, чтобы известить Чу Ифэна — парня, который по своей простоте никогда и ни в чём не смог бы перейти ему дорогу.

Чу Ицзинь притворно вздохнул:

— И зачем кузен так истязает себя ради других? Я ведь уже предупреждал тебя, что Ифэн...

— Одиннадцатое Императорское Предостережение гласит: принцам и их потомкам строжайше запрещено клеветать друг на друга и плести интриги ради вытеснения соперников! — Лин Сяо без малейшего почтения перебил принца, чеканя каждое слово. — Семнадцатое Императорское Предостережение: подданным вне стен тронного зала запрещено вести праздные толки об императорских отпрысках!

Лин Сяо медленно поднялся со своего места, сокращая расстояние между ними, его голос прозвучал подобно раскату грома среди ясного неба:

— Тридцать третье Императорское Предостережение: всем сыновьям и внукам Императора, за исключением Наследника престола, строжайше запрещено вступать в сговоры и приближать к себе влиятельных сановников!

Заметив, как побледнело лицо Чу Ицзиня, Лин Сяо торжествовал.

«Испугался? То-то же!»

— Свод Императорских Предостережений был составлен лично Его Величеством, дабы укрепить мир и согласие в правящем роду. Неужели старший императорский внук вознамерился нарушить волю предков и пойти против законов клана?!

Лин Сяо прищурился, в его глазах вспыхнул опасный огонёк:

— Вы уже не раз пытались втянуть меня в разговоры, нарушающие законы династии. Теперь же вы явились под покровом ночи, приказав слугам удалиться, дабы вести со мной тайные беседы. Позвольте спросить: каковы ваши истинные намерения?! Пусть сейчас я занимаю скромный пост чиновника четвертого ранга, но в будущем унаследую титул маркиза, а значит, вполне подхожу под определение влиятельного сановника! Ваши настойчивые попытки сблизиться со мной накладывают на меня тяжкую вину. Дабы не навлечь позор и гибель на собственный клан, мне не останется ничего иного, кроме как подать прошение на имя Его Величества, чтобы доказать свою чистоту и непричастность к заговорам!

Лин Сяо сделал шаг вперед, нависая над принцем:

— В летописях нашей великой династии первый и четвёртый принцы были безжалостно казнены за пренебрежение Императорскими Предостережениями! Седьмой и восьмой принцы лишились титулов, земель и были навек лишены своих званий за то же преступление! Мне крайне любопытно узнать, что произойдет со старшим императорским внуком, когда слухи о его ночных визитах достигнут ушей Его Величества?

На лбу Чу Ицзиня выступили крупные капли холодного пота.

Лин Сяо сбавил тон и равнодушно добавил:

— Наследная принцесса проявила ко мне безграничную милость, и ради её спокойствия я не желаю раздувать скандал — разумеется, если старший императорский внук вовремя одумается и отступит от края пропасти. На этом наш разговор окончен. Прошу вас покинуть мои покои!

Не выказав ни капли почтения, Лин Сяо развернулся и ушёл во внутренние покои. Чу Ицзинь всерьёз посчитал его податливой глиной, из которой можно лепить всё что угодно? Какая глупость! Если Лин Сяо обычно вёл себя мягко и сдержанно, то лишь потому, что ленился тратить силы на пустые дразги. Если он проигнорировал чужие выпады один раз — это была лишь лень; если закрыл глаза во второй раз — пренебрежение. Но принимать его выдержку за слабость — просто смехотворно!

Даже если бы Чу Ицзинь уже сидел на троне, Лин Сяо не позволил бы так легко помыкать собой, а уж сейчас, когда тот был всего лишь одним из внуков Императора, и подавно! Уставший за день Лин Сяо и без того был раздражён, у него не осталось ни малейшего желания выслушивать эти лицемерные бредни. И надо же было этому глупцу явиться именно сегодня, напрашиваясь на неприятности! Сам виноват.

Лин Сяо со спокойной душой устроился в постели. Мысленно он холодно усмехнулся: уж после такой отповеди этот спесивый Чу Ицзинь с его вечным синдромом высокомерного принца вряд ли осмелится докучать ему в ближайшее время. И это было просто отлично.

<http://bllate.org/book/20590/2145905>